

Пролог

Я глубоко вдохнула. Я нисколько не боялась окружающих меня лунных теней. То, что меня больше всего пугало, находилось позади. Все чувства обострились до такой степени, что я ощущала дыхание братьев на своем затылке. Нервы натянулись до предела, я слегка дрожала. Но была готова. Стоит признать, даже более чем готова, поскольку тьма поглощала меня изнутри. Я выдохнула и шагнула вперед из укрытия. Гравий под моими ногами хрустел так громко, что я не удивилась бы, если бы мои шаги услышали во всей Англии. Сердце стучало как барабан. Вот она я. Слышите? Я здесь. Здесь, чтобы украсть то, что невозможно украсть. И это очень опасно.

Оглянувшись через плечо, я посмотрела на Бастиана. Он следил за мной так, будто никогда меня не видел. В глазах — только неприкрытая жажда и ничего человеческого. Мои спутники чуть отступили в темноту, и я осталась один на один с ночью. Тристан шумно перевел дух. Я знала, что в его глазах я увижу такой же голод, если переведу взгляд с Бастиана на него. Внутри все скручивалось и перемешивалось, и это превращало людей, оставшихся позади, в кровожадных волков. Я ускорила шаги. К свету, к свету... Прочь из теней. Прочь от того, что меня пугало, — снова к темноте, такой знакомой, ставшей почти родной. Я слегка вспотела пока поднималась по сту-

пенькам на крыльцо, и проскользнула в особняк. Меня переполняло пьянящее чувство. И, опьяненная, я шагала вперед, куда звал меня мой внутренний голос, следовала за своими собственными демонами. Прямо навстречу опасности.

Из тени в тень

Ранее на железнодорожной платформе близ Уэймута

Бастиан едва дышал. Он моргнул — взгляд немного прояснился, но ненадолго. Вагон грохотал, и он судорожно вцепился за спинку сиденья перед собой. Напрягся, готовясь к прыжку. К прыжку через тени. Только вот здесь, в поезде, Бастиан видел их так много, что не мог решить, какую выбрать, чтобы следовать за Константином Кроссом.

Но оставаться на месте было никак нельзя. Он впитал в себя плетения души Эбигейл, и теперь они рвали его тело изнутри. Задыхаясь, Бастиан прижал руку к сердцу, хоть и понимал в глубине души, что это не уменьшит боль. Вены на руке почернели и вздулись. Он знал, что и лицо выглядело не лучше, для этого он даже мог не смотреть на свое отражение в окне поезда. Всю кожу покрывали тонкие темные линии, а глаза больше не казались человеческими. Он потерял контроль над своей настоящей сущностью, когда забрал силу Эбби, и сейчас едва держался. Но у него не оставалось другого выбора. Кросса следовало догнать во что бы то ни стало!

Он протянул руку к тени, простирившейся вдоль багажной полки, и на темно-серый ковер поезда закапала кровь. Она сочилась из рукава его кожаной куртки и стекала по ледяным пальцам. Плетения Эбби вырывались наружу. Бастиана пошатывало. Он несколько раз глубоко вдохнул,

всеми силами стараясь подавить ярость и сохранить спокойствие. Его прошиб холодный пот, и к горлу подкатила тошнота, усиливающаяся с каждой секундой. Только не стоять на месте, не останавливаться. Надо скорее пройти через тень — тогда и напряжение ненадолго спадет. Но самое главное — найти кольцо душ, которое Эбби украла у него и которое сейчас находилось у Константина Кросса. Это единственная вещь, которая могла его спасти.

Взгляд Бастиана растерянно блуждал по пятнам крови на ковре. Да, на полу повсюду тоже виднелись кровавые следы. Но эту кровь оставил не он, а второй тенеходец, который находился где-то рядом, в этом поезде. Он тоже мог перемещаться сквозь тени, тоже впитал плетения Эбби, но в отличие от Бастиана так и не научился контролировать в себе такую силу. Да, Кроссу тоже приходилось несладко: он был ранен, как и Бастиан. Только вот у Кросса имелось преимущество: он владел кольцом Бастиана. И кольцо это полагалось вернуть, несмотря ни на что.

Так что он сделал шаг вперед, протянул руку к тени, и в следующий миг его поглотили холод и мрак.

Жаль только, что этот момент в небытии пролетел слишком быстро. Он чуть приоткрыл глаза. Темнота дала ему отдохнуть, избавила от мучительной боли, но только на секунду. А затем Бастиан вернулся на свет, появившись в другом конце вагона, и тут же нырнул в новую тень, прежде чем его успели заметить пассажиры. Он быстро перемещался из тени в тень в поисках Кросса и своего кольца, но в поезде находилось слишком много людей, и их плетения то и дело отвлекали молодого человека. Их души, сердца, воспоминания... Так он может упустить Константина Кросса.

Слишком много теней. Слишком много возможностей.

Паника в сердце Бастиана росла. Он еще быстрее и отчаяннее понесся сквозь темноту, потому что понимал: если Кроссу удастся покинуть поезд незамеченным, кольцо будет потеряно. Все будет потеряно.

— Да где же ты? — пробормотал он, пока поезд, набирая скорость, мчался в Лондон. Он уже начал терять надежду, как перед ним в тени что-то мелькнуло.

Бастиан чуть не поперхнулся. Оникс! Этот ослепительно-черный цвет казался ему слишком знакомым. Отличительный знак Эбби. Конечно, ведь в нем самом теперь растворялись частички ее плетений, точно такого же цвета. Рыча, Бастиан метнулся в ближайшую тень.

— Кросс! — заревел он. Не упустить, только бы не упустить... Он должен добраться до него!

Похоже, Кросс услышал его, темная энергия теперь закружилась вокруг его тела. Он испуганно вскрикнул и растворился в темноте.

Бастиан толкнул дверь в ближайший вагон и последовал за Кроссом в следующую тень. Сердце стучало так, будто уже приготовилось вырваться из груди, и он продолжал терять кровь. Бежать становилось все труднее, и даже бесчисленные переходы через тени не могли унять боль. Кросс же и не думал замедляться, так что расстояние между ними почти не сокращалось.

Когда же Бастиан прыгнул в ближайшую тень, черных плетений уже не было видно.

— Какого?.. — выдохнул он и огляделся. — Куда ты делся?

Он быстро вернулся в тень, из которой только что выпрыгнул. Что у нас здесь?..

Он повернулся к окну и догадался, в чем дело: Кросс, должно быть, исчез в тени деревьев.

— Твою ж мать! — с рычанием Бастиан тоже выскользнул из поезда.

Деревья тянулись вдоль железнодорожного полотна, все дальше и дальше на восток. Их тени соединялись друг с другом, нахлестывались одна на другую, как реки, сливающиеся в море.

Тут его внимание привлекло какое-то едва заметное шевеление. Это Кросс выскочил из тени на крышу поезда.

— Твою ж мать! — Бастиан снова нырнул в темноту. Прыжок, еще прыжок — и вот он уже оказался напротив своего врага.

Ветер грозил сбросить его с крыши поезда, и он едва мог держаться, но, по крайней мере, Кросс теперь уже ни-

куда не денется. Деревья наконец остались позади. Впрочем, как и тени. Только сейчас Кросс понял, какую ошибку он допустил.

Его противник расставил ноги шире, чтобы легче удерживать равновесие, и приближался, пошатываясь на ветру. Как и сам Бастиан, Кросс очень устал, и ему не помешала бы небольшая передышка, но сейчас для отдыха было явно неподходящее время. На негнущихся ногах Бастиан шел к учителю. Константин Кросс приехал в Даркенхолл, школу, которую возглавляла семья Бастиана, лишь затем, чтобы добраться до его кольца. Это кольцо Бастиан оберегал как зеницу ока. Чтобы заполучить желаемое, Кросс использовал новенькую ученицу, сыграв на ее чувствах к парню, заставил ее подобраться поближе и украсть у него кольцо. А Бастиан... Как только он мог позволить этой девчонке с фиолетовыми волосами и плетениями цвета оникса окрутить себя?.. Он забыл об осторожности, и в итоге Эбигейл Вуде украла его кольцо.

Кросс обманул их всех, но теперь Бастиан вернет себе то, что принадлежало ему, и наконец-то сможет исцелиться.

Кросс побледнел как полотно, когда Бастиан подошел к нему почти вплотную. Он понимал, что его противник пойдет на все, только бы вернуть кольцо, поэтому он резко развернулся и побежал по крышам. Бастиан следовал за ним, как хищный ястреб, не выпускающий из виду свою добычу.

Ониксовые плетения затягивали его кожу, глазные яблоки почти полностью почернели, а зрачки казались лишь тонкими вертикальными черточками на фоне зловеще-темных радужек. Но он чувствовал, что Кросс в панике, в ужасе, и поэтому ускорил свои шаги. Бастиан торжествовал. Ничто не могло его остановить. Кроме разве что...

— Нет... Нет-нет-нет, — вырвалось у него, когда поезд начал поворачивать. Там, за поворотом, виднелся густой лес, где высокие верхушки деревьев снова затеняли все рельсы. — Нет! — взревел он и побежал. Следовало добраться до Кросса до того, как поезд достигнет леса. Потому что в этом море теней он его уже точно не найдет.

Тут же до Бастиана донесся торжествующий смех. Кросс понял, что у него есть шанс скрыться, и метнулся в сторону спасительных теней.

Бастиан почти не чувствовал ветра, который чуть ли не сдувал его с поезда, настолько он сосредоточился на своей цели. И все же с каждым шагом он осознавал, что опоздает. Что он не успеет остановить его.

— Нет, — прошептал Бастиан, тщетно протягивая руку к Кроссу. Тот вдруг спрыгнул с поезда, рискуя переломать себе все кости, но не достиг земли: тень поглотила его намного раньше.

Бастиан в отчаянии опустился на колени. Поглощенные им плетения колотили по ребрам, как узники — по тюремным решеткам, будто чувствовали, что Бастиан окончательно ослабел и потерял контроль. Кожа начала трещать, и он с криком схватился за сердце. Старый шрам болел и пульсировал, боль обжигала, точно раскаленная магма, и мешала здраво мыслить. Кожа под ребром лопнула, и кровь тотчас окрасила его серую рубашку. Он хотел содрать с себя куртку и рубашку, желал увидеть, насколько плохо все обстоит, но даже на это у него уже не хватало сил. Он прижал ладони к крыше поезда, словно мог погрузить в нее пальцы, как нож в масло.

Осознание, как громом, поразило его: Кросс сбежал. Кольцо вернуть не удалось. А Эбби...

Ветер дул в лицо, и он часто моргал, но не осмеливался оглянуться назад. Потому что то, что осталось там, далеко позади...

Он не хотел этого видеть. Не хотел вспоминать. Думать об этом. Он совершил ошибку. Роковую ошибку, которая теперь будет стоять ему жизни.

Ярость внутри него все бурлила, кожа трескалась, кровь не останавливалась, и Бастиан бессильно закрыл глаза.

Горькое утешение

Я отчаянно цеплялась за Тристана, потому что мой мир разваливался на части.

Сердце обливалось кровью. Мне будто нож в грудь вонзили. Бастиан меня предал. Он предал меня!.. К тому же эта абсолютная пустота в моей душе, которая давала мне понять, что именно Бастиан украл у меня, чертовски пугала. Я больше не чувствовала ни вины, ни угрызений совести. Там ничего не осталось. Только пустота.

Тяжелое рыдание вырвалось из моего горла, и я обрадовалась, что Тристан находился рядом. Я словно разбилась на тысячи осколков, но он не давал мне окончательно сломаться. Он поцеловал меня в макушку, в то время как поезд с Бастианом все отдалялся, осторожно вытер мои слезы и привлек к своей груди.

— Иди сюда, — прошептал он и крепче сжал в объятиях. — Вот так... И не думай о нем больше. Я с тобой. Я здесь.

Ощущения от этого были такими приятными: он гладил меня по спине, целовал в шею, чтобы утешить, говорил на ухо, что все будет в порядке.

Я уткнулась в плечо Тристана, обхватила его руками за шею и разрыдалась. Дыхание сбивалось. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Потерянной. И что гораздо хуже — брошенной.

— Эбби. — Волосы Тристана коснулись моей щеки. — Все будет хорошо, — повторял он, целуя меня в шею,

в ухо, в висок. — Я тебе обещаю, — пробормотал он и чуть наклонился, так что его губы слегка коснулись моих. Такое нежное прикосновение, как перышко. — Теперь все станет хорошо. — У меня слегка закружилась голова. — Не бойся, — он прижался к моим губам, и головокружение утихло. Тристан мягко провел языком по моей нижней губе. — Ты не должна меня бояться. Я не такой, как мой брат, Эбби. Со мной ты в безопасности, — он поцеловал меня, при этом дрожа всем телом, как и я сама.

В глубине души я знала, что это как-то неправильно. Но вина... Я больше не испытывала чувство вины. Для меня сейчас не существовало чего-то правильного и неправильного. Мое хрупкое сердце словно раскололось. И если у меня когда-либо имелась какая-то сила, энергетика или как там ее еще назвать, то ее сломали, растоптали, разорвали, раздавили. Я не ощущала ничего, кроме пустоты. И поцелуй Тристана заполнил ее. Я перевела руки на его затылок и, когда его язык коснулся моих губ, поддалась этому робкому, ненавязчивому поддразниванию. Я больше не думала о Бастиане и его предательстве. Он бросил меня, втолкнул в пустоту, и мне отчаянно хотелось ее заполнить. Я просто хотела почувствовать, что во мне еще что-то осталось. Что я не одна. Не одна на этом жалком вокзале.

Я прижалась к Тристану. Рядом с ним было тепло. Спокойно. Его объятия казались спасательной шлюпкой посреди бушующего моря, но я не могла не думать о том, что в определенный момент в моей голове прозвучит голос совести, который упрекнет меня за то, что я делаю. Все-таки это как-то неправильно. Я углубила наш поцелуй. Нет, ничего не произошло. Голос молчал, пропал куда-то. Тенеходцы забрали часть моей души, практически опустошили меня. Осталось только место для воспоминаний. Для чувств, выходящих за рамки боли. Но угрызений совести я больше не испытывала.

«Целовать Тристана — это все равно что умереть и проснуться уже на небесах», — невольно вспомнила

я слова Эсме. Что ж, вот и узнаю, правда ли это. Откуда только у меня такие мысли?.. Должно быть, это как-то связано с непривычной легкостью во мне...

Тристан обнял меня за шею, чуть запрокинув мою голову назад. Поцелуи стали еще более страстными, а вены на его руках потемнели. Он явно пытался бороться со своей яростью, я это видела. У меня снова закружилась голова. Его язык касался моего, мы оба задохнулись, и я чувствовала, как бьется его сердце. Ощущала это кончиками пальцев. Но это головокружение... Оно пугало меня. Явно недобрый знак. Впрочем, душа моя почти опустела. Что еще он может забрать оттуда? Большого вреда уже не причинить.

Я всхлипнула и закрыла глаза. Тристан Трэмблэй целовался как бог. С этим было трудно поспорить. И на мгновение его нежность стала приносить мне настоящее утешение. Тем не менее я понимала, что он хочет от меня большего. Он пытался проникнуть мне в душу, подбирался все ближе к моим плетениям. Да, он очень хотел коснуться ее...

— Поезд отправляется со второго пути, — вдруг прозвучало из динамика. Тристан мягко отстранился. Его синие глаза сейчас выглядели почти черными из-за причудливых узоров на радужке.

— Ну что ж, — прошептал он и легко поцеловал меня в лоб. — Давай-ка отвезем тебя домой.

Он задумчиво посмотрел мимо меня, протянул руку к чему-то, чего я видеть не могла. Я знала, что он рассматривает мои плетения. Его взгляд, такой напряженный, в то же время казался пронизанным легким неверием. Интересно, о чем он сейчас думает?.. Он помог мне подняться, мягко убрал волосы со лба, но мои плетения, точнее — то, что от них осталось, так и притягивали его взгляд. Потом он снова поцеловал меня. Только уже не в губы, а куда-то в уголок рта. Быстро и коротко. После чего усмехнулся, выглядя при этом очень довольным.

— Бастиан многое отнял у тебя, Эбби, — серьезно сказал Тристан, слегка сжимая мою руку. — Но теперь появи-

лось место для чего-то нового, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Возможно, все не так уж плохо, — добавил парень и повел меня в сторону кассы. Я так ему ничего и не ответила.

— Бастиан?! — крик Тристана пронесся по вилле Тремблэев, когда мы наконец прибыли. — Ты здесь, брат?

Я слегка поежилась: из дома повеяло приятной прохладой. Господи, столько всего произошло... Как будто весь день на американских горках прокаталась. Я уже просто не знала, что думать. Не понимала, что чувствую. Я целовала Тристана, и мне понравилось. Я думала, что после этого буду испытывать угрызения совести, но... нет. Вряд ли можно назвать их чувством вины. Или раскаянием. Сожалением. Я была измучена, обессилена, зла и разочарована, но чувствовала только эту жалкую пустоту. А все остальные чувства просто напоминали какие-то бледные отголоски.

Только пустота. А я этого не просила! Не хотела сейчас ощущать эту пустоту. Скорее всего, я этого просто не вынесу. Бастиан украл огромную часть моей души. А говорил, что мне станет легче, если он заберет мои страдания, заберет то, что меня угнетает и тревожит. Я буду чувствовать себя лучше, а он сможет утолить голод. Довольно-таки равноценный обмен.

Пока мы с Тристаном ехали на поезде обратно в Лондон, я все думала о словах Бастиана. Ведь он оказался прав. Мне было абсолютно безразлично, что человек, работавший здесь, в Даркенхолле, учителем, убил мою мать. Я почти не ощущала боли, хотя мой отец, которого я тоже считала мертвым, вероятно, остался в живых, только вот он, похоже, во мне совершенно не нуждался, раз за все те годы, что я моталась по приемным семьям, он обо мне даже не вспомнил. Я вообще ничего не чувствовала! Немыслимо! Господи, мне кричать хотелось, настолько неправильным все это казалось! И чем дальше мы отъезжали от Уэймута, тем более обременительной казалась мне эта пустота внутри меня, и я уже просто не знала, что делать.